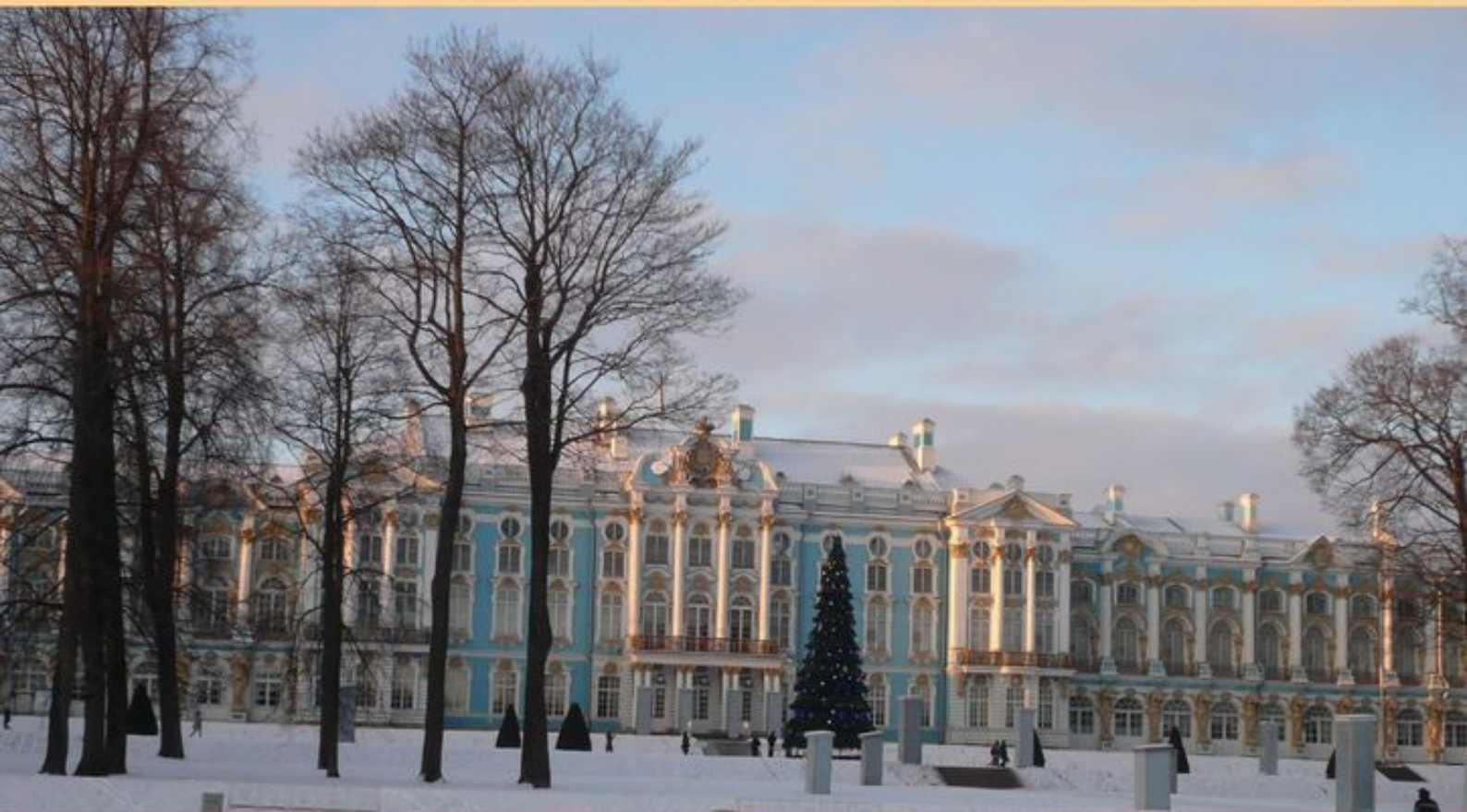

18+

Валерий Казаков

ЛЕНИНГРАД В МОЕЙ ДЕШЕ

Повесть о первой любви

Валерий Казаков

**Ленинград в моей даше.
Повесть о первой любви**

«Издательские решения»

Казаков В.

Ленинград в моей деше. Повесть о первой любви / В. Казаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903045-0

Молодой человек из провинции, воспитанный на книгах о бесстрашных революционерах двадцатых годов, приехал в город на Неве и очаровался красотой юных женщин, которых встретил в этом чудном городе. Они легко вскружили ему голову, и он забыл все свои прежние принципы. Любовь поглотила его целиком. Она стала важнее и выше всего на свете. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-903045-0

© Казаков В.
© Издательские решения

Ленинград в моей деше Повесть о первой любви

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2024

ISBN 978-5-4490-3045-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Для чего я поехал в Ленинград, сейчас сказать трудно. Во всяком случае, я не стремился стать ни студентом, ни рабочим. Меня, откровенно говоря, не манили ни известные во всем мире музеи, ни знаменитые сокровища Эрмитажа. Мне просто нужно было куда-то уехать. Уехать, чтобы стать, наконец, таким же, как все мои успешные друзья. Мне хотелось вырваться на свободу, в тот мир, о котором я знал из книг, о котором мечтал с детства и который манил меня своим призрачным блеском и картинным благополучием.

Перед моим отъездом отец написал нашим ленинградским родственникам длинное и обстоятельное письмо, которое должно было облегчить мою судьбу в незнакомом городе, мать посоветовала зашить в сатиновую рубаху деньги, вырученные от продажи картофеля. Средний брат порекомендовал поменьше заглядываться на женщин, выразительно подмигнул, а потом сунул мне в руки два презерватива в тонкой бумажной упаковке и блестящий перочинный нож, на всякий случай. Я подхватил тощенький чемодан, на дне которого лежала книга Николая Островского «Как закалялась сталь», накинул на плечи темную кожаную куртку комиссара двадцатых годов, надел на голову широкополую фетровую шляпу американского ковбоя и отправился в путь. Покорять северную столицу...

Дальние родственники в городе на Неве приняли меня холодно. Они жили в коммунальной квартире на проспекте Энтузиастов, теснились в двух комнатках впятером и уже в первые минуты нашего знакомства довольно ясно дали мне понять, что лучше будет, если я найду себе работу с общежитием, потому что у них, вообще-то, в этом плане рассчитывать не на что. Сами спят на раскладушках.

Несколько дней после этого я ездил по незнакомому городу в поисках подходящей работы. И после третьего дня безрезультатных поисков, когда уже готов был от своей затеи отказаться, – неожиданно нашел работу на маленьком, уютном ремонтно-механическом заводе, расположенном где-то на краю Васильевского острова... Собственно говоря, понравился мне не сам завод, а скорее то место, в котором он находился, – его ландшафтное окружение. На меня произвела хорошее впечатление небольшая речушка рядом с заводом, утопающая в зелёных облаках отцветающих тополей, высокие каштаны в старинном сквере возле проходной, мост, белокаменной аркой перекинутый с берега на берег.

Когда я впервые прошеествовал через приземистую проходную на этот завод, меня поразила там необычная тишина и какое-то странное провинциальное спокойствие. За кирпичной оградой завода было уютно. Какие-то добродушные и упитанные мужики сидели там на удобных скамейках и беседовали о делах житейских. Возле длинного кирпичного здания первого цеха цвели акации, а над его крышей в знойном мареве середины лета дремал башенный кран, издали похожий на гигантского аиста. На территории завода тут и там в пузатых бетонных амфорах благоухали цветы. Между цветами высокими люпитрами возвышались разноцветные плакаты с металлическими серпами и молотами, лениво пошевеливался на тонком древке выцветший красный флаг.

К тому же, на этом заводе работало много соблазнительных женщин. Каждое утро они проходили мимо нашего первого цеха, а я по привычке выбирал и провожал глазами самую хорошенькую из них, ту, которая была чем-то похожа на модную тогда французскую певицу Мари Лопаре. Она была в белом плаще и тёмных расклешенных брюках. В её коротко остриженных русых волосах блестела черная заколка.

Примерно через неделю я встретил эту женщину на автобусной остановке возле метро, потом – в кафе напротив. Она везде появлялась одна, она всегда смотрела себе под ноги и выглядела со стороны очень серьёзной, чем-то озабоченной. Это меня пугало и обнадеживало одновременно. Ухажеры её не баловали, – это бросалось в глаза, но немного смущал её возраст... Я заметил на её лице следы увядания, хотя большого значения этому не придал. Мне тогда казалось, что это не главное, это не так важно.

Потом на какое-то время я потерял эту женщину из вида. После решил, что она не для меня, что она, наверное, давно замужем, что такие мальчишки, как я, её не интересуют.

За работу на заводе, как и следовало ожидать, я взялся с большим энтузиазмом. Я хотел утвердиться в этой новой для меня обстановке, среди новых людей. Через два месяца упорной учебы на курсах повышения квалификации я получил третий разряд токаря, и когда на следующий день приступил к самостоятельной работе на своем красивом, блестящем от зелёной краски станке, то к концу смены перекрыл дневную норму выработки в два раза. То же самое было и на второй день, и на третий, и на четвертый. Я был на седьмом небе от успеха. Мне хотелось всех удивить, всем понравиться, всем доказать, что я не зря вырвался из вятской глуши в красивейший на земле город, где жили Пушкин и Некрасов, Тургенев и Достоевский, Блок и Ахматова. Но уже на следующей неделе, вместо ожидаемой похвалы и почета, я неожиданно получил крепкий подзатыльник от ветерана завода, прямого и открытого мужика Гриши Кузнечного, которой подошел ко мне после смены в грязной спецовке и грубым голосом пояснил, что если я и дальше буду так же «надрываться», то всем токарям в первом цехе в конце месяца увеличат норму выработки и снизят расценки за отдельно взятую деталь. Вот и всё... К тому же заводское начальство мой порыв трудового энтузиазма явно проигнорировало. Только однажды начальник цеха Михаил Моисеевич Левин вызвал меня к себе в кабинет и с лукавинкой во взоре пожал мне руку, говоря: «Таких людей, как ты нам всегда не хватало. Так держать, Арматуров!» При этом дядя, Боря, мастер первой смены, с иронией на меня посмотрел и одобрительно покачал лысой головой: «Молодец, парень. Я сразу его приметил, Михаил Моисеевич. Он из деревни. К труду с детства приучен. Без таких, как он, мы пропадем».

Но самое удивительное произошло в конце месяца, когда вместо честно заработанных (как я полагал) шести сотен рублей я получил свои привычные 160... Это меня отрезвило, озадачило и лишило всякого стимула к честному и производительному труду. Я понял, что мои личные производственные успехи никому здесь не нужны. Ни моим товарищам по работе, ни заводскому начальству, ни горячо любимой Родине.

Между мной и городом начала складываться какая-то странная, порочная связь. Я, как неопытный любовник, хотел от него слишком многого. Хотел чудесного превращения из деревенского увальня – в импозантного мужчину. Хотел новой, насыщенной яркими событиями жизни. А город, между тем, обольщал и разочаровывал меня одновременно. Обольщал своей каменной красотой и изяществом, а разочаровывал неприступностью и едва скрываемой иронией, предназначенной тем, кто вынужден зарабатывать свой хлеб тяжелым трудом у станка.

****

Заводское общежитие, где я получил жилье, располагалось на проспекте Энергетиков. Моя комната находилась на шестом этаже высокого серого здания и своим единственным огромным окном выходила на юг, где виднелся зелёный уголок какого-то неухоженного, пасмурного сквера. В комнате по соседству жил молодой человек, которого я считал отчаянным гуленой, потому что возвращаясь с работы поздно вечером, частенько улавливал чутким ухом непотребные звуки, доносящиеся из его комнаты. Это был не то стон, не то плач, сопровождаемый размеренным поскрипыванием железной кровати... Таинственные ночные звуки заворачивали меня. Я останавливался в странном, возбуждающем оцепенении. Потом, нехотя, отпираю свою дверь, стараясь при этом не греметь ключом, заходил в тёмную пустынную комнату, с раздражением стягивал с плеч тяжелую кожаную куртку, бросал на шкаф ковбойскую шляпу, намокшую под случайным дождем, и с томительным чувством досады на своё одиночество ложился спать. После того, что я испытал пять минут назад, одиночество казалось мне пыткой. Я тоже хотел извести себя в чувственной истоме. Я тоже хотел иметь настоящую, зрелую женщину, у которой покатые плечи, высокие груди и пухлый, теплый бледно-розовый зад. То есть, я хотел иметь такую гибкую, разгоряченную страстью стерву, чья похотливая плоть в размеренной музыке тактов может поглотить меня целиком, начиная, естественно, с середины тела. В тёмной, немой ночи и беспросветном одиночестве мне сейчас было нужно только это, чтобы поскорее куда-нибудь пролилась моя душевная и телесная неудовлетворенность...

Помню, на следующий день я проснулся от странного грохота за стеной, от тонкого женского крика, звучащего как аккомпанемент этому загадочному грохоту. Я прислушался и сразу понял, что это ночная сообщница моего молодого соседа бьёт фарфоровую посуду. Потом в ход пошли стаканы. Потом – деревянные стулья. И, наконец, все смолкло. Разрушительный порыв женской истерики угас. Истоцился.

А ещё немного погодя я увидел её в общей кухне на нашем шестом этаже, до краев залитой золотистым утренним светом. Она, как ни в чем ни бывало, сидела на широком подоконнике, свесив тонкие ноги, и что-то спокойно объясняла своему улыбающемуся мучителю. Признаться честно, в первый момент меня поразила её молодость, её гибкая, откровенно детская худоба. На вид ей было лет 15 – 16, не более. Тёмные волнистые волосы у неё свисали до плеч, большие выпуклые глаза беззащитно лучились, прикрытые сверху длинными, чуткими ресницами. Тонкие руки были сцеплены на худой коленке, а подол тёмно-вишневого платья был вольно приподнят до матового, мучительно доступного бедра. То есть, в ней не было ничего от той породистой стервы, которую так упорно рисовало мое взволнованное воображение прошлой ночью. В ней не было ничего от зрелой искусительницы сердец, от хищной женщины, которая жадной львицей набрасывается на всякого молодого мужчину. Ощущение было такое, как будто страстные стоны вчера ночью издавала вовсе не она, а кто-то другой, который много взрослее и опытнее, чем это невесомое, просвечивающее насквозь создание.

Так ничего толком не поняв, я вернулся в свою комнату и стал собираться на работу. И, что самое странное, во мне сейчас уже не было ничего томительного, ничего раздражающего отсутствием любви. Во мне не было даже зависти к счастливому соседу, который готовил завтрак на кухне. Наоборот, мое одиночество сейчас меня вполне устраивало. Хотя бы тем, что дарило мне спокойствие. Мое одиночество работало на мой имидж. Мне казалось, что в глазах людей я должен оставаться одиноким, как был бы одиноким в нашем пошлом мире настоящий Павка Корчагин, или бесстрашный американский ковбой... Но однажды после обеда мастер нашего цеха Борис Васильевич Кулагин подошел ко мне с какой-то таинственной улыбкой на широком лице и сообщил, что меня срочно вызывают в заводоуправление к директору. Воспринять его слова как шутку, я, естественно, не мог и поэтому тут же отправился по указанному адресу.

Каково же было мое удивление, когда в приемной директора я увидел женщину в тёмных расклеванных брюках, с черной заколкой в русых волосах, ту, которую считал похожей на модную французскую певицу. Она посмотрела на меня какими-то слегка смущенными синими глазами и спросила:

– Ты удивлен?

– Да... нет, – двусмысленно ответил я.

– Это я просила пригласить тебя сюда. Ты, надеюсь, не обижаешься?

– Нет.

– Как тебя зовут?..

– Валерий.

– А я Ирина... Ты извини меня... Но я сегодня увидела тебя в столовой и решила познакомиться. Мне показалось, что ты очень выразительно на меня посматриваешь, когда я иду на работу, а ты стоишь возле проходной... Или я ошибаюсь?

– Женщины в таких вещах не ошибаются, – радостно заверил я.

– Вот водишь... А ещё однажды я встретила тебя возле остановки автобуса. Ты помнишь? У тебя был очень импозантный вид. Черная кожаная куртка, большая серая шляпа и хромо-вые сапоги... Я, признаться, тогда подумала, что ты артист какого-то провинциального театра, приехавшего к нам на гастроли. Что ты вышел из гримерной на улицу и заблудился...

– Это нехорошо?

– Нет, что ты. Скорее, наоборот. Ты мне поэтому и понравился. У тебя была такая запоминающаяся внешность. Конечно, для тебя это ничего не значит, но имей в виду. Ты понравился мне, зрелой, опытной женщине, а это уже кое-что... Я тебя не соблазняю, нет. Я не похитительница юных сердец, но отступить не в моих правилах и упускать свой шанс – тоже... Ты, надеюсь, меня понимаешь? Мы живем в огромном городе. Мы здесь слишком редко можем встретиться дважды ни с того ни с сего. Поэтому я решила сделать первый шаг. Ты можешь

сделать второй... А можешь не делать ничего. Это твое право... Ты можешь уйти и забыть обо всем. Как хочешь. Я и сама пока что не знаю, что, собственно, мне от тебя нужно...

Она, кажется, хотела сказать что-то ещё, но почему-то замолчала, а я всё так же удивленно стоял и смотрел на неё. В какой-то момент мне показалось, что кто-то из нас должен назначить час и день встречи...

– Я подумаю. Я... как-нибудь зайду, – неуверенно проговорил я.

– В любое время, – ответила она с улыбкой.

Весь остаток дня после этого разговора с Ириной у меня было хорошее настроение. А вечером, ложась спать в шумной заводской общежитии, я сказал себе, что ни за что не оставлю эту женщину одну – обязательно поговорю обо всём ещё раз. Завтра же. И, возможно, этот разговор станет для меня самым значительным событием в моей новой жизни, в той жизни, которая меня уже успела заинтриговать. Странно только, как легко и просто всё у меня складывается. Я хотел найти здесь работу, получить приличное жильё – и вот всё это у меня уже есть. Хотел встретить настоящую женщину. И она сама пришла ко мне. Она нашла меня. Она дала мне шанс стать другим. В сущности, это даже больше того, на что я мог рассчитывать в первое время. Только, чем заслужил я это везение? Это незаслуженное, нелепое счастье.

***

На следующее утро я проснулся совсем другим человеком. Уходя из общежития на работу, я забыл запереть за собой дверь. С девятого этажа спустился на первый без лифта с лёгкостью юного спортсмена, и пока шел до автобусной остановки, кажется, что-то насвистывал себе под нос.

Зато рабочая смена на заводе в этот день для меня тянулась очень медленно. И к началу работы я опоздал, потому что не заметил среди женщин, спешащих к проходной, моей новой знакомой.

В этот день дядя Витя, мой заводской наставник, поругался с председателем месткома Ниной Витальевной Герц из-за какого-то Германа Ивановича, получившего муниципальную квартиру без очереди, и всё порывался куда-то сходить, с кем-то разобраться, кому-то набить наглую рожу. Я знал, что в такие моменты его лучше не беспокоить, и поэтому со своими глупыми вопросами к нему не приставал. Я был переполнен томительным ожиданием настоящей любви. Настраивал себя на будущую встречу, подбирал самые нужные слова, которые надо будет сказать моей новой знакомой. Представлял удивленное лицо Ирины в первый момент нашей встречи. Вряд ли она предполагает, что я так быстро решусь на более близкое знакомство с ней...

Ровно в четыре часа я уже был у неё. В петлице кожаной куртки у меня на груди краснела бутоньерка из алой гвоздики, шляпа слегка затеняла глаза, в которых сквозило откровенное смущение. Перед дверью в приёмную директора я остановился, чтобы перевести дух. И вошел минут через пять, громко цокая по дубовому паркету подошвами хромовых сапог...

Но, что самое главное, – она моим приходом вовсе не была удивлена. Мне даже показалось, что она не так сильно обрадовалась, увидев меня, и весьма прозаическим тоном попросила подождать её минут десять – пятнадцать, пока она что-то там перепечатает на пишущей машинке.

Я ждал её, не выходя из кабинета, и впервые как следует рассмотрел... На вид ей было лет двадцать пять – двадцать восемь. Она была невысока ростом, стройна, русоволоса, синеглаза. Её нос казался слегка крупноватым, но он не портил общего впечатления, не вносил дисгармонии в её облик. Откровенно говоря, в ней не было ничего от директорской секретарши. Скорее, она походила на, ленивую студентку заочницу, которая третий год учится на первом курсе института.

Когда она освободилась, мы вместе отправились гулять по Ленинграду. Сначала прошли по какому-то мрачному скверу. Потом пересекли старинный чугунный мост, на котором она прочитала мне «Послушайте» Маяковского. Надо признаться, стихи она декламировала прекрасно, картинно запрокидывая голову и отбивая такты оголенной по локоть рукой. Перила моста были влажными и ослепительно блестели, а даль скрывалась в сизой дымке парного летнего тумана. Нева коричневатым потоком струилась под нами, и если смотреть только на воду, то создавалось ощущение, будто мы плывем или летим, как чайки. Парим, как облака.

Была середина июля, в душе, подобно сирени, распускалась любовь, и наверное поэтому как-то по-праздничному воспринималась мной эта влажная от дождя, сотканная из камня и мрамора, ещё непонятная мне до конца северная столица.

Хорошо помню одно выражение, которое довольно часто повторяла тогда Ирина. «Жизнь, – говорила она, – это чудесное приключение, достойное того, чтобы ради удач терпеть и неудачи».

Она ещё не знала, что я готов на всё что угодно, но только терпеть неудачи я больше не собирался. Я слушал её, я её понимал, любовался ею. И она мне казалась самой воздушной, самой возвышенной и вместе с тем самой соблазнительной женщиной на свете. У меня было предчувствие, что именно она сделает из меня настоящего мужчину, преподаст мне урок настоящей нежности. Пустит меня в свое внутренне тепло, разогретое всполохом страсти, а потом мы вместе начнем строить нашу длинную, честную и счастливую жизнь.

Когда мы, мокрые от дождя, опьяненные первыми минутами нашего сближения, укрылись от крупных капель под одной из арок огромного здания Адмиралтейства, она обняла меня за талию и, настороженно глядя в мои глаза снизу вверх, шутливым голосом спросила:

– Скажи мне, юный друг. Я тебе хотя бы чуточку нравлюсь? Я похожу на Розу Люксембург или хотя бы на Клару Цеткин?

– Я не знаю, – искренне ответил я, опуская глаза.

– Будь хотя бы снисходителен ко мне. Как были снисходительны к женщинам все истинные социал-демократы. И сними эти дурацкие сапоги. В них ты похож на революционера тридцатых годов.

– Ладно.

– Ну, разве так отвечают девушке, милый мой. Ты должен быть заботливым. Это право мужчины.

– Я не хотел тебя обижать. Просто я ещё не привык свободно разговаривать с женщинами на такие темы... Мой идеал Павка Корчагин.

– А хочешь, я покажу тебе Исаакиевский собор? – вдруг спросила она, круто меняя тему разговора.

– Хочу, – ответил я.

– Тогда пойдем. Дождь, кажется, перестал, – чувствуешь?

Она выставила из-под арки маленькую, просвечивающую насквозь ладонь и стала ловить в неё последние редкие капли.

– Да, – ответил я и осторожно взял её мокрую руку в свою, как будто сорвал яркий и дорогой цветок.

Так мы и шли до самого собора через весь Александровский садик, взявшись за руки, мимо горящих ярким пламенем гвоздик, мимо отцветающих на просторных клумбах тюльпанов, мимо седовласых стариков на скамейках и воркующих в песочницах юнцов.

В соборе она стала показывать мне разноцветную керамическую мозаику, выполненную каким-то известным мастером, и что-то рассказывала о нем. И при этом её тонкая рука была где-то над её русской головой, глаза были широко раскрыты, а голос дрожал.

Потом меня увлекли витражи из разноцветного стекла в высоких окнах собора, потом – висящий под куполом маятник, который то удалялся, то приближался бесшумно и медленно, как крохотная планета, отмеряя время уходящей эпохи.

– Говорят, он показывает вращение земли, – как о чем-то скучном и нереальном поведала Ирина. – Но всё это ерунда. Землём движет, как ты сам понимаешь, хорошая революционная теория. А тебе лучше подняться наверх и посмотреть на город с высоты птичьего полета. Там прекрасная смотровая площадка. Светлого будущего ты оттуда, конечно, не увидишь. Но панораму города можешь изучить хорошо.

Вид города со смотровой площадки меня поразил. Сразу стало понятно, какой он древний, тесный и прокопченный за три минувших столетия. Какой он, в сущности, неказистый. Я решил, что если когда-нибудь придумаю покончить жизнь самоубийством, то прыгну именно отсюда. Отсюда мой последний полет будет выглядеть вполне естественным, как может считаться естественным всякий завершающий аккорд в музыкальном произведении, случайно разбередившем душу.

***

Вечером следующего дня я снова был у Ирины. Поднимался по лестнице на второй этаж заводууправления и думал, как она встретит меня на этот раз. Чем обрадует или обескуражит. Какие ещё ассоциации навеет ей моя внешность? Что-то общее к тому времени уже было между нами. По её просьбе я сменил хромовые сапоги на обыкновенные черные ботинки. Я больше не походил на своего любимого литературного героя, но свой присущий только мне облик ещё не приобрел.

Вошел. Она посмотрела на меня с улыбкой и сказала примерно то же самое, что и вчера: «Садись, подожди минуточку, я сейчас. Только вот напечатаю ещё один приказ». Деловито потушила сигарету в массивной стеклянной пепельнице и стала очень быстро печатать на машинке, как будто играла знакомую мелодию на странном музыкальном инструменте. Я

обратил внимание, что на этот раз выглядит она как-то по-другому. Лицо сосредоточенное, волосы аккуратно уложены и заплетены на затылке в замысловатый крендель; на носу невесть откуда взявшиеся модные очки в широкой перламутровой оправе; на безымянном пальце правой руки – красивый золотой перстень...

Через несколько минут мы вышли на улицу.

Был тихий вечер, не предвещающий ни дождя, ни ветра, когда особенно остро улавливаются запахи и звуки. Непривычная ясность была во всем, и от этого в душе какая-то возвышенная грусть.

Мы поспешили сначала в метро, потом вдоль кованой железной изгороди к кинотеатру «Гигант», где тогда шел американский фильм «Золото Маккены».

Когда в прохладном зале погас свет, я взял руку Ирины в свои ладони и положил себе на колени. Её тонкие пальцы, согретые в уютном тепле между моими ладонями, расслабились и размякли, как свежий хлебный мякиш. В полумраке кинозала она показалась мне ещё восхитительнее, чем на улице. Рядом была маленькая русоволосая женщина моей мечты.

После сеанса она решила рассказать мне о себе, я охотно её слушал, и мы не заметили, как оказались в старом пустынном парке возле кинотеатра. Здесь на прохладных тропинках лежали вперемешку яркие пятна света и тени; беловато-розовые, острые камешки и сморщенные фантики сухой прошлогодней листвы.

Для уединения мы выбрали одинокую скамью возле озера, густо заросшего кувшинками и кугой, рядом с которым белел каменный мостик, чем-то похожий на театральную декорацию. В густой тени под этим мостиком лениво млела серповидная осока.

Как много мы с Ириной в тот день говорили и как взволнованно, как откровенно. Меня переполняла восторженность первых минут долгожданной, настоящей, взрослой любви. Но я уже твердо знал, что с ней, зрелой женщиной, эти первые минуты – только начало, только прелюдия к ещё большему счастью. К восхитительному счастью обладания её телом. И перспектива этого продвижения к манящему будущему, казалась мне бесконечной, чувственно многообещающей.

– Меня никто ещё так не целовал, – признался я Ирине, когда немного успокоился.

– Это прекрасно, – ответила она, – значит, я буду первой. Теперь ты будешь помнить меня всю жизнь.

– Я не хочу только помнить, я хочу быть с тобой всегда.

– Ну, это мы посмотрим, потом, – ответила она с иронией.

– Поцелуй меня ещё.

– Пожалуйста.

– Твои губы напоминают вкус... весеннего утра.

– А твои отдают зимней свежестью.

Так пришел час, потом второй, третий. Головокружение от поцелуев постепенно улеглось. Мы целовались уже как бы по инерции. Я гладил её тёплую руку, что-то говорил, а сам уже чувствовал некую истому, которая предполагает дальнейшее наше сближение – продвижение в перспективу. Там, в этой манящей перспективе, было ещё очень много всего самого заветного. Ирина пока что позволила мне только самую малость, всего лишь на полшага продвинуться вперед. Она не отстранилась, когда я жадно поцеловал её в оголенную шею, не сбросила руку с тёплого, манящего бедра. Двигаясь дальше, моя рука уткнулась в живот, в крутом вираже стала опускаться ниже, ещё ниже. Мое сердце часто забило в ожидании чуда. Ирина, не выпуская моих губ, издала какой-то странный и пленительный вздох... И в это время старческий голос где-то рядом произнес: «Побойтесь Бога, бесстыжие!»

Мы разом открыли глаза, отпрянули друг от друга, и увидели шагах в десяти от себя древнюю, мутноглазую и худую старуху.

– Бесстыжие... Люди кругом ходят, а они целуются, – забормотала старуха, удаляясь. – В наше время такого не было. Нет. В наше время нравы были другие. Распустилась, испортилась молодежь. Ох – хо – хо – хо! Какой стыд, какой позор!

Ирина с презрением посмотрела старухе в спину и сказала вполголоса:

– Завидует, старая дева. Старые девы все такие. Она бы рада сейчас стать распущенной и развратной, да время ушло.

– А мне почему-то её жаль, – откровенно признался я.

– Чтобы потом не жалеть, поцелуй меня ещё... Ты чувствуешь, какая я? Чувствуешь?

– Да.

– Какая же?

– Ты страстная.

– Это потому, что я ничего не боюсь и ни о чем не жалею... Хочешь... Хочешь, – пойдем ко мне сейчас же?

– Да. Очень хочу...

– А, может быть, не надо. Я где-то прочитала однажды: «Ты нецелованных не трогай, неискушенных не тревожь» и что-то ещё в этом роде. Кажется, я нашла нецелованного. Ведь так? Ну почему ты ничего не говоришь? Боишься признаться? Глупый... Да тут и признаваться-то ни в чём не надо. Я и так всё чувствую. Я сама всё поняла... Ты не переживай, Это хорошо. Очень хорошо. Я тебя всему научу. Ты хочешь, чтобы я тебя всему научила?

– Да. Очень хочу.

– Или, может, не стоит? Ты встретишь когда-нибудь такую же неопытную девочку, как сам, и вместе вы всему научитесь. Ты полюбишь её по-настоящему, молодую, худую, угловатую, которая, как и ты, постоянно будет краснеть ни с того ни с сего... Может быть, правда, мне лучше оставить тебя в покое, не соблазнять? Ведь у тебя вся жизнь впереди. А я старше тебя на шесть лет. У меня своя колокольня, свой взгляд на мир. Мне уже скоро с базара ехать.

Я заметил, как она посерьезнела и нахмурилась, это говоря, как задумчиво на меня посмотрела. И испугался, что она действительно переменит свое отношение ко мне: станет более холодной, более расчетливой, трезвой.

– Мы сейчас стоим у черты, – снова продолжила она назидательным тоном. – За этой чертой – падение или полет, – никто не знает. Но когда ты станешь настоящим мужчиной, я буду более требовательной к тебе. Учти это. Я заставлю тебя исполнять все мои прихоти, все желания. И ты не в праве будешь отказаться. Я буду обижаться на тебя, если ты не сможешь мои прихоти исполнить... Ты готов к этому?

– Я на всё готов, потому что люблю.

– Тогда я должна тебе признаться. До тебя у меня уже были мужчины. И я любила их.

– Я понимаю. Я понимаю, – промямлил я, опуская глаза и превозмогая странную растерянность.

– Одного из них я очень сильно любила, – продолжила она.

– А сейчас?

– Ненавижу. Он бросил Меня.

– Давно?

– Неважно... Он бросил меня не ради другой, а просто так. Понимаешь? Я ему стала не нужна. Наскучила.

– А я тебя никогда не брошу, – запальчиво признался я. – Никогда!

– Как знать... Может быть, я сама... Хотя, нет. Не будем сейчас об этом говорить. Не надо. Глупости это всё. Ведь тебе хорошо со мной? Хорошо?

– Очень!

– Ну вот и прекрасно.

И тут я для чего-то спросил:

– А кто был тот – другой?

– Другой?

– Тот, которого ты встретила потом?

– А... Он был музыкант... Он был много старше меня и много опытнее. Мы с ним редко встречались, и вскоре я поняла, что это не любовь. Это что-то другое... У него уже были взрослые дети и больная жена. И он для чего-то рассказывал мне о ней, о её болезни, о страданиях. Понимаешь. Станный был человек. Он часто выпивал, потом раскаивался, плакал. Мне иногда казалось, что он не в своем уме. Люди искусства – они все странные, как бы не от мира сего... Да, впрочем, ты с ними ещё и не сталкивался. У них особая жизнь, свои убеждения, взгляды и прочее. И все они жутко завидуют друг другу. Хотят друг друга перещегоолять. Хотят быть в центре внимания. Позируют, блестят, и забывают, что без таланта ничего значительного достичь, невозможно. А без здоровья – тем более.

После этих слов она взглянула на меня с едва заметной улыбкой и как-то устало произнесла:

– И хватит об этом. А то я всё говорю, говорю, а тебе это, должно быть, неприятно. Ведь так?

– Нет, почему же. Я не могу осуждать тебя за то, что было в прошлом.

– И ты не передумал идти ко мне?

– Нет.

– Тогда знай, что я разрешу тебе делать со мной всё, что ты захочешь. Но тебе придется отказаться от некоторых привычных для тебя принципов... Ты пойдешь на это?

– Пойду, – ответил я с явной готовностью. Чем больше разных условий ставила она мне, тем сильнее было мое желание быть с ней.

– Я на все сейчас согласен.

– И тебя не остановит даже то, что я скверная женщина? Моя любовь развратит тебя, заставит страдать... Ты уже никогда не сможешь стать таким, каким был раньше. Ничего из того, что вскоре будет между нами, не потребовала бы от тебя ни одна неискушенная девушка, ни одна твоя подружка, ровесница. Подумай об этом.

– Я нашел тебя, и я счастлив. Почему же ты стремишься доказать мне, что это не так? Будто счастья не будет, – обиженно выпалил я.

– Потому что я не такая, как все.

– Я сразу это почувствовал.

– Да нет же. Ты совсем не так это понимаешь. То о чем ты говоришь – это романтизм, а я тебе хочу объяснить совсем другое. Это потому, что я, пока что, жалею тебя... Но потом я жалеть не буду. Учти это. Я стану безжалостной.

– Я согласен. Делай со мной, что хочешь.

– Ох, как легко ты со мной соглашается... Да пойми ты. Наша любовь будет не такой, как у всех. То, что я попрошу тебя сделать со мной, может показаться скверным. Во всяком случае, так считают многие... А таким, как ты, лучше начинать, как все молодые.

Она нервно закурила сигарету и стала с хрустом разминать свои длинные тёплые пальцы, загадочно глядя на меня.

– Нет, я определённо должна тебя оставить. Я должна отказаться от тебя. Ты слишком чист для меня.

– Но я не смогу без тебя сейчас.

– Скажешь тоже. Вот как раз сейчас ты ещё сможешь, а потом... неизвестно как всё сложится. Я могу испортить тебе жизнь.

– Я не боюсь. Делай со мной, что хочешь.

– Дурачок.

- Только поцелуй меня ещё раз.
- Дурачок...

***

До её дома по сонному летнему городу мы ехали на автобусе. Автобус был полупустой, скрипучий, провинциально тихий. По его крыше, едва просвечивающей, покрытой коричневым стеклом, поочередно скользили то свет, то тень. Люди в автобусе говорили вполголоса. Мягко шуршали шины. Я смотрел за окно, и мне казалось, что я еду по гладкой поверхности успокоенной реки вдоль каменистого берега с редкой растительностью в просветах между скал. И ничего в этой местности мне не знакомо, всё здесь ещё предстоит изучить и понять. Но, в то же время, всё, что меня сейчас окружает, удивительно красиво, заманчиво, всё завораживает.

От остановки автобуса мы дошли до коричневатого от пыльной листвы сквера, пересечённого по диагонали узкой глинистой тропой. Миновали его и оказались в пасмурном дворе подобного пятиэтажного дома, на первый взгляд ничем не примечательного. Поднялись на второй этаж, открыли полутёмную, пустынную квартиру. Вошли в неё, и тут меня охватил какой-то непонятный страх. Мне показалось, что я не должен был вот так вот сразу приходить сюда. Тем более – днем. И ещё меня озадачил запах больницы, которым здесь было пропитано всё, запах какого-то едва уловимого тления. К тому же, я почти не знаю Ирину. Порой не понимаю, о чем она говорит, что думает, как представляет наши отношения в будущем. В этом смысле у нас с ней полная неопределенность.

Я смотрю на неё вопросительно, но она на этот раз понимает мой взгляд по-своему. Говорит: «Сейчас я включу музыку», – и ставит на проигрыватель «Первый концерт для фортепиано с оркестром» Чайковского. Я спрашиваю: «А почему, Чайковский?» Она отвечает: «Это мой любимый композитор». Оказывается, в её коллекции пластинок нет ни «Машины времени», ни Пугачевой, ни Высоцкого. Только Рахманинов и Чайковский.

Пока она плещется в ванной – я скучаю на диване и с интересом изучаю её комнату. Музыка каким-то образом помогает восприятию деталей, вносит некую гармонию в разнообразие незнакомых предметов. В потоке музыки мутный свет от зашторенного окна кажется таинственным, лаковая тональность книжного шкафа не слишком контрастирует с белой стеной, а единственный тонкий лучик света, отраженный белым подоконником, рассеянно застывает на потолке, едва пошевеливаясь в такт мелодии.

Возвратившись из ванной и протирая голову бархатистым полотенцем, она почему-то удивляется:

- Ты ещё не в постели?
- Нет, – растерянно отвечаю я.
- Значит, я забыла сказать. Я сейчас подсохну чуть-чуть и тоже прилягу. Раздевайся пока...

Она сказала это так обыденно, так просто, как будто мы с ней были знакомы уже много лет. И почему-то именно эта обыденность сразу сделала меня скованным.

Я медленно снимаю пиджак, брюки, рубашку, но плавок снять не могу. Это выше моих сил. Она с лукавой улыбкой смотрит на меня, потом шепчет ласково и снисходительно: «Совсем ещё мальчишка», – и начинает мне помогать своими ловкими, уверенными, тёплыми руками. Помогая, целует меня в грудь, в живот, а на её щеках в это время уже начинает проступать румянец разгорающейся страсти.

- Иди ко мне... Иди же, – шепчет ода.

Я падаю в её объятия. Я тону в её тёплой глубине. Целую, мну, восторгаюсь матовым совершенством её тела. Мобилизуя остатки своего здравомыслия, пытаюсь ей что-то шептать.

Но в самый неподходящий момент она легко выворачивается из-под меня, опрокидывается на локти, круто прогибает спину и шепчет:

– Чувствуешь, какая я горячая? Обними меня сейчас, обними. Ближе, ещё ближе... Больше ничего не надо. Остальное я сама сделаю. Я так хочу. Так хочу. Так!

Через несколько восхитительных минут мы устало лежим на кровати и смотрим в потолок на круглую капельку света, которую в детстве я называл зайчиком.

– Сейчас ты вправе презирать меня, – вдруг говорит она.

– Я тебя люблю.

– Моя колокольня разрушилась. Я ничего не вижу с неё, – призналась она. Немного помолчала и добавила: – И всё-таки я скверная. Ты этого не почувствовал?

– Нет.

– Странно...

– Я просто люблю тебя.

– Будущее покажет, как ты меня любишь.

***

На следующий день я с самого утра у неё. Она быстро ходит по комнате, куда-то собирается, поясняет:

– Сестра звонила. Она уезжает на дачу, а ребенка оставить не с кем... Электричка уходит в десять часов. Надо успеть.

– Я тебя провожу.

– Если хочешь.

На улице я беру её за руку, поворачиваю к себе и вкрадчивым голосом говорю:

– Ирина, я заболел.

– Чем?

– Не чем, а кем. Я заболел тобой.

– И что ты намерен делать?

– Лечиться.

– Как?

– Любовью.

В метро на эскалаторе мы стоим совсем рядом и смотрим друг на друга пьяными от любви глазами. Потом она смущенно отворачивается и с мольбой в голосе произносит:

– Пожалуйста, не смотри на меня так.

– Почему?

– Ты меня изучаешь.

– Тебе кажется. Я просто...

– Как ты думаешь, на сколько тебя хватит? – неожиданно спрашивает она, не дав мне договорить, и ставит меня этим вопросом в тупик. Я готов сказать, что никогда её не брошу. Что я с ней счастлив как никогда, но боюсь, что для неё это и без моих слов ясно.

– Я буду с тобой всегда.

– Но я нехорошая, развратная женщина. Я люблю завоевывать мужчин.

– Ты святая. Теперь мне кажется, что все женщины такие.

– Х-м-м... Дурачок. Ты ещё совсем мальчишка. Ты не знаешь женщин.

– Мне кажется, что все они такие же, как ты.

– Ошибаешься.

– Я хочу, чтобы были такими же.

Около Московского вокзала она садится в трамвай. Я, молча, провожаю её влюбленными глазами, и вдруг замечаю у себя за спиной подвыпившего заводского наставника дядю Витю

с неизменным тёмным портфелем в руке. У него красноватое, улыбающееся лицо, хитрые глаза с бесцветными ресницами, а на подбородке привычная густая щетина. Он подходит ко мне сзади, трогает за плечо и произносит что-то странное, звучащее не то поощрительно, не то с презрением:

– Ну ты даешь, Валера. Сразу туза вытащил.

Я не могу понять, что это значит, на что он намекает, и потому долго с недоумением смотрю на удаляющийся трамвай. Мне почему-то очень жаль, что наша с Ириной любовь уже перестала быть тайной. И ещё мне очень не хочется оборачиваться, не хочется встречаться глазами с дядей Витей. Я хочу, чтобы он поскорее исчез. А если он не исчезнет, я развернусь и вмажу ему по тяжелой, небритой скуле. Потом ещё и ещё, пока он не поймет, что не все его выходки к месту... Бывают минуты, когда одиночество лечит. Разве это так трудно понять?

И ещё у меня странное чувство, будто я уже не похож ни на Павку Корчагина, ни на красного комиссара двадцатых годов, ни на смелого американского ковбоя. Я сам по себе.

***

Уже через день мы с Ириной снова вместе. Мы в её полумрачной, странно пахнущей тлением комнате, слушаем фуги Баха. Она сидит в кожаном кресле, подперев подбородок тонкой рукой, и отрешенно смотрит куда-то мимо меня своими неподвижными тёмными глазами. Такой я видеть её не люблю, даже побаиваюсь немного. Когда она с такими глазами, ей ничего не нужно, она ничего вокруг себя не замечает. Она сосредоточена на чем-то своем – за гранью понимания, за гранью привычного земного бытия, где сфокусировалась сейчас вся её жизнь, вся Вселенная. Я боюсь её тревожить в такие минуты. Боюсь, что после пробуждения она вернется ко мне другой: сильно изменившейся под тайным гипнозом музыки. Выслушает меня и не сможет понять.

Однажды, когда музыка ещё звучала, она вдруг заговорила:

– Мне тяжело нести свою душу.

– Почему? – спросил я удивленно.

– Потому что меня воспитали болезни. В детстве я очень много болела. Я почти не вставала с постели, а если когда-нибудь поднималась, то ходила, прихрамывая... Меня все жалели. А мне от этой жалости было неловко и обидно. Мне от этой жалости было больно... Когда у меня была высокая температура, я бредила и мечтала покинуть эту земную неволю, где меня никто не любит. В это время я полюбила длинные зимние ночи, тишину и потрескивающую свечу у старой иконы Божьей Матери Всех Скорбящих. Рядом со мной всегда была моя бабушка, она часто молилась, крестила меня и заставляла целовать образ Николая Чудотворца. Бабушка полагала, что святой Николай сжалится надо мной и освободит меня от кары, которую я не заслужила... А мне хотелось умереть. Да. Я никому об этом не говорила, но мне хотелось просто умереть. Я совсем не боялась смерти, ведь душа не чувствует боли и образ больного некрасивого тела её не тяготит. Тот, другой мир, был для меня бесконечно привлекателен... Мне казалось, что вся ложь, вся боль моей жизни там превратится в правду, и там, оттуда, я сумею всех полюбить и понять так, как хочу. И маму, и бабушку, и старшего брата, который всегда отламывал одну ногу у всех моих кукол, приговаривая при этом, что у хромой девочки должны быть хромые куклы. А я смотрела на него полными слез глазами и мысленно кричала, что куклам тоже больно... Однажды я сказала ему, что буду ненавидеть его за это всю жизнь. А он мне ответил, что всю жизнь ненавидеть у меня не получится. Я скоро умру, и после смерти, если мамы не будет дома, он выкинет меня через форточку. Потому что из-за меня в комнате всегда дурно пахнет. А ещё потому, что в животе у меня поселились черные грибы. Скоро внутри меня им станет тесно, и они прорастут через мои глаза и рот... Мне было так страшно, так стыдно перед ним и перед мамой, что смерть казалась мне самым легким

выходом из этого положения. Потом я засыпала, и видела себя летящей из форточки, только не девочкой, а птицей. Я сначала просто падаю, потом начинаю захлёбываться влажным воздухом, ощущаю в крыльях силу и лечу, лечу...

Она говорит что-то ещё, глядя на зашторенное окно своими большими блестящими глазами, а я перестаю её понимать. Вижу её маленькие розоватые пальцы, как-то неловко скрюченные на матовых коленях, и мне становится не по себе. Мне делается страшно. Я не могу взять в толк, правда это или какой-то странный, пленивший её вымысел.

Но, удивительное дело, освободившись из плена музыки, она становится ещё более чувственной, ещё более горячей, и это сейчас очень кстати. Мы смотрим друг на друга влюбленными глазами и улыбаемся. Я облегченно вздыхаю. Она протягивает ко мне свои тонкие руки. Я приближаюсь к ней, чувствуя всем телом нарастающее волнение, и... всё повторяется точно так же, как в первый раз, только ещё более ярко, ещё более пленительно.

Так проходит одна неделя. Вторая. Третья... Иногда от приятной усталости у меня кружится голова, но я думаю, что это от счастья, это от любви. Наконец, я говорю себе, что пора остановиться, пора расслабиться, передохнуть, но Ирина и слышать об этом не желает, она становится всё более требовательной, капризной и предупреждает, что не позволит мне уйти от неё просто так, ибо я должен стать настоящим мужчиной, умелым любовником. Это в моих интересах, это мне пригодится в жизни. В конце концов, я на всё соглашаюсь, я мужественно исполняю все её прихоти, только уже не знаю, люблю ли её. Любовь ли это...

Временами в её глазах я замечаю холодность. Она говорит со мной уже не так ласково, как прежде. В её голосе всё чаще слышатся властные нотки. Всё чаще я стараюсь оправдать её резкий тон некой женской неудовлетворенностью, отголосками тяжелого детства. Я всё прощаю ей, только бы вновь увидеть её в той очаровательной позе, готовую раскатать в привычном ритме мою пробуждающуюся настоящую любовь. И она, зная об этом, уже не заботится о своем внешнем виде, встречает меня у порога в каком-то старом выцветшем халате, ходит по комнате в шлепанцах на босу ногу, слегка прихрамывая. Говорит мне безликое «ты». И я уже не чувствую в её голосе прежней теплоты.

Иногда я думаю про себя, что нам, наверное, пора расстаться, что дальше будет всё хуже и нелепее эта странная наша любовь. Если её можно назвать любовью...

Но проходит дня три-четыре, и я опять спешу к ней на второй этаж. Захожу, встречаюсь с ней взглядом, в котором ясно угадывается приятное внутреннее волнение, покорно сажусь в уголке и жду, пока она доиграет на своем инструменте очередную печатную увертюру. Она уже не говорит мне: «Подожди минуточку», она знает, что я и так буду ждать её сколько угодно, я никуда не уйду без её ведома.

Всё чаще в такие моменты я замечаю в её глазах скрытую иронию и превосходство. Она всё просчитала наперед. Она знала, что без неё сейчас я жить не смогу. Она сделала меня другим и отрезала путь назад – к прежнему моему спокойствию. Она завладела мной полностью. Моим телом, моими мыслями, моим взглядом. Она стала той частью, которой мне всегда не доставало. Причем, не доставало не где-нибудь снаружи, а изнутри. Там, где пряталась моя теплая и восторженная душа.

***

Примерно через месяц после нашего знакомства Ирина сказала мне, что ее лучшей заводской подруге сегодня исполняется двадцать лет. По этому поводу намечается грандиозная пьянка, и Ирина приглашает меня в этом празднестве поучаствовать. При этом она, как бы между прочим, посоветовала мне обратить внимание на девочек, которые там будут. Потому что девочки там соберутся очень даже симпатичные, одних со мной лет.

Я почувствовал в этом предложении нечто обидное для себя, но ничего не ответил ей. Просто мне показалось, что она ищет самый простой способ избавиться от меня. И я решил облегчить её эту задачу, решил ей в этом помочь.

Через какое-то время мы вышли на улицу. Был тихий летний вечер, не предвещающий ни дождя, ни ветра, когда особенно остро улавливаются запахи и звуки. Такие вечера я называю акварельными. Непривычная ясность была во всем, и от этого в душе какая-то возвышенная грусть. Мне захотелось задержаться на этой вечерней улице, углубиться куда-нибудь в сквер, облюбовать скамейку у воды и провести там несколько долгожданных минут. Но вместо этого мы поспешили сначала к ближайшей станции метро, потом – на остановку такси, где почему-то было полно народу. Я поймал себя на мысли, что так уже было когда-то. Был точно такой же вечер, золотистый летний сумрак и грусть. Только когда это было и что после этого произошло, я припомнить не смог.

Потом мы ехали куда-то на такси. По пути у одной из гостиниц в центре города остановились. Ирина сказала, что надо купить цветов. Цветы продавала цыганка с глазами испуганной лани, худая и очень высокая, чем-то похожая на Лидочку Брагину – смуглую девочку из моего недавнего детства. Подавая мне три алые гвоздики в хрустящем целлофане, цыганка широко улыбнулась, и я поразился тому, насколько она ярче и симпатичнее моей Ирины. Внешне она была безупречно красива и стройна, но то была красота, за которой, к сожалению, ничего не стоит. Форма без содержания, сосуд без вина.

Ирина в этом смысле была для меня намного интереснее. В ней, по крайней мере, живет любовь к музыке и эта пленительная извращенность, слегка затенённая кружевом таинственного договора, который дает ей право властвовать надо мной и не нести ответственности. Она мудра, и это тоже притягательно. Она распутна, и это пьянит. Она порой высокомерна, и это тоже каким-то образом возвышает её в моих глазах. Настоящие женщины должны быть такими. Иногда она смотрит на меня, как бы говоря: «Кого люблю – того и бью». Она разжигает во мне ревность, а униженный и ревнующий, я люблю её ещё больше, ещё сильнее. Люблю из последних сил.

До ворот Центрального парка мы в тот день так и не доехали: помешал разобранный мост. У моста из такси мы вышли, расплатились с шофером и быстро зашагали по длинной, почти бесконечной аллее к загадочному ночному кафе под названием «Фрегат».

По дороге Ирина снова посоветовала мне обратить внимание на девочек, которые там будут. А особо – на именинницу. Я отшутился. Она в пику моей шутливости стала настаивать на своем.

– Заведи себе ровню, – говорила она, – беседуйте с ней, целуйтесь, живите своими интересами. А вечером, если хочешь, приходи ко мне. Я буду твоей тайной любовницей. Твоей гетерой. Твоя душа пусть ей принадлежит, а тело будет принадлежать мне. Это так романтично.

– Но мне с тобой хорошо. Я не хочу ничего менять.

– Я не спорю. Не спорю. Но в твои годы молодые люди обычно стремятся куда-то поступить, раскрыть в себе кучу талантов, утвердиться на избранном поприще, устроиться на приличную работу. А я сковываю тебя в этом смысле. Неужели ты этого не понимаешь? Я старше тебя. Мне уже ничего не надо искать в этой жизни. Я свои университеты прошла.

– И я, я тоже ничего не хочу.

– Это глупо. Ну, как это – ничего не хотеть в твои годы?

– Вот так.

– Так просто, милый мой, даже воробьи не чирикают.

Она посмотрела на меня с улыбкой старшей сестры и продолжила:

– Так вот, я бы посоветовала тебе обратить внимание на именинницу. Её зовут Вероника. И она... она чем-то похожа на тебя. Да-да! Не смейся. Вы же ровесники. В ней есть что-то милое, детское, наивное, если хочешь. Чистое что-то... Присмотришься.

– Но мне никого не надо, кроме тебя, – упрямо стал отказываться я, предчувствуя приближение развязки, и пытаюсь сохранить всё, как есть.

– И не спорь, пожалуйста, со мной. Я знаю, что делаю.

– Но я...

– Это в твоих интересах, милый мой.

***

Отмечающих собралось человек восемь. Все люди очень разные, и все первое время сидели, заметно скучая, пили розовый портвейн и вяло закусывали копченой колбасой с сыром. Потом какой-то румяный и упитанный милиционер, видимо, давний знакомый Ирины, начал рассказывать анекдоты, после чего девушки заметно оживились, зашептались между собой и стали поглядывать на меня с явным любопытством. Я же не спускал глаз с Ирины, которая сидела напротив меня, и был поражен тем, как вдруг при тусклом искусственном свете она преобразилась. Как вдруг она стала хороша. Даже её ресницы казались сейчас длиннее, чем прежде, и глаза блестели выразительнее, и серьги в ушах, и крохотный перстенёк на руке – всё казалась восхитительным.

Выходя из-за стола для очередного танца, она наклонилась к моему уху и шепнула:

– И всё таки, ты мне нравишься больше всех.

Наверное, она не предполагала, как больно кольнет меня это, её уточнение: «всё-таки». Я не знал, чем его заслужил. Не смотря на что, я ей всё-таки нравлюсь. Ведь я ничем её не огорчил... Или в чем-то уже провинился перед ней? Но в чем провинился, я не знаю.

После танца Ирина куда-то исчезла. Вместе с ней исчез её давний знакомый, упитанный и розовощекий весельчак – милиционер. Потом он с мрачным лицом вернулся к столу и залпом выпил стакан водки. Я подумал, что Ирина его отшила. Воодушевлено встал из-за стола и пригласил на танец какую-то пышную, полную, густо накрашенную девицу, которая скучала весь вечер рядом со мной, опалая мое бедро своим. Девица после этого немного оживилась, но во время танца молчала, как рыба, и даже не сказала мне, как её зовут, только посмотрела на меня растерянно, как бедные люди обычно смотрят на чужие драгоценности. Когда мы вернулись к столу, я выпил очередной бокал портвейна и запоздало почувствовал, что становлюсь пьяным... Неверной поступью я направился в туалет, но неожиданно на половине дороги меня остановила какая-то не знакомая полногрудая нахалка с чахлым букетом гвоздик в левой руке. Она придержала меня за рукав и, толкая влажные цветы мне в лицо, масляно блестя карими и хмельными глазами, стала путано рассказывать, что давно за мной наблюдает, что сейчас она одна, ей плохо и она готова на всё, потому что её бросили. Что тот, кого до сих пор она любит, был очень похож на меня. Он был высокий брюнет... И если ей сам Бог велел ему изменить, то это лучше сделать со мной, чем с тем белобрысым подонком, который весь вечер вертится возле неё и таскает ей цветы. То ли ворует их где-то, то ли рвет с клумбы, которая под окном ночного кафе.

– Ты не еврей? – с явной надеждой на утвердительный ответ спросила она.

– Нет.

– Очень жаль. Я так люблю евреев. Они особенные... Очень жаль. Очень жаль, – повторила она, направляясь прочь.

Я, видимо, сильно запьянел. Потому что обыкновенный вечер в загородном кафе стал вдруг неудержимо разрастаться, вспыхивать, блестеть и заполняться значительными событиями, какими-то совершенно новыми, неизвестными ранее ощущениями, запахами и даже знакомствами. Мне вдруг показалось, что я довольно хорош собой. Я в центре внимания. Я исключительно умен и обаятелен. Я прекрасно умею держать себя. И во мне есть что-то притягательное для женщин, что-то аристократическое, что ли... Я могу выразительно молчать,

могу разговаривать глазами, прекрасно чувствую музыку. У меня врожденное чувство ритма, не зря же я так хорошо запоминаю мелодии модных песен и так вдохновенно танцую. Мои ноги легко переступают по гладкому паркету, скользят в танце так, что я почти не чувствую пола. Я лечу. Лечу к долгожданной, неведомой мечте...

Короче, когда я перестал танцевать, ко мне неожиданно подбежала раскрасневшаяся именинница Вероника и торопливо заговорила:

– Не знаешь, где Ирина? Не знаешь? Мы ищем её везде и не можем найти. Она тебе ничего не говорила?

– Нет, – ответил я как можно спокойнее.

– Тогда пойдем, поищем её. А вдруг с ней что-нибудь случилось? Так нельзя, Валера. Так нельзя. Ты бросил её одну.

И она потянула меня к выходу. Я нехотя последовал за ней. Вероника была так же мала ростом, как Ирина, но при этом выглядела очень юркой, живой, какой-то непривычно подвижной. У её были тёмно-русые, коротко остриженные волосы, большие синие глаза и большие обольстительные губы. Идти, молча, она не могла. Она всё время повторяла: «Если бы Ирина что-нибудь нам сказала тебе или мне. А то исчезла – и всё... Так нельзя. Мы все переживаем за неё. Мы встревожены». Делала несколько мелких шажков и снова повторяла: «Ну почему она никому ничего не сказала? Какая странная, какая эгоистка!»

В ночном парке было темно и прохладно. Пахло коротким летним дождем. Непривычный для города шелест листьев пробивался сквозь музыку. Он то нарастал, то гас, то вновь появлялся. В тонком гипюровом платье Веронике вскоре стало холодно. Она прижала локти к животу и втянула голову в плечи, став при этом ещё меньше и миниатюрнее, чем была. Я запоздало протянул ей свой пиджак.

– На, накинь на плечи.

– Спасибо. Он такой большой.

За густыми зарослями жасмина, возле какой-то синей будки, похожей на пивной ларек, мы нашли Ирину. Она стояла рядом с милиционером (должно быть это был самый настоящий постовой) и что-то ему весело рассказывала. Милиционер был трезв – Ирина пьяна и развязна. Мне стало стыдно за неё. Но Вероника не растерялась и тут. Она со всех ног кинулась к Ирине и начала ей что-то объяснять, выразительно жестикуюлируя руками. От резких движений мой пиджак спал с её плеч. Ирина подняла его и подала Веронике, пытаясь найти меня глазами.

Немного позднее они вместе прошли мимо меня, и Ирина громко проговорила, явно не только для Вероники:

– Имею право говорить с кем хочу. К тому же, в милиции служат отличные парни.

– Мы не за этим сюда пришли, – ответила ей Вероника.

– Ну и что. Я захотела побыть на воздухе. Одна. Имею полное право.

– Потом. Когда всё закончится.

– А я хочу одна. И сейчас, – упорствовала Ирина.

– Ты слишком пьяна, – выпалила Вероника.

После этих слов Ирина остановилась и резко высвободила свою руку из навязчивых объятий Вероники.

– Кто пьян? Я? Да я не пьянее вас всех. – После этого зло посмотрела на меня и как-то нарочито холодно спросила:

– А ты? Ты тоже пойдешь танцевать или останешься здесь, со мной?

– Я не знаю, – искренне ответил я. – Может быть, действительно лучше потанцевать ещё несколько минут. Скоро здесь всё закроется.

– Шагай. А я подожду. Я подожду ещё немного – ответила она, опуская глаза.

И мы с Вероникой вошли в празднично яркий зал. Там радостно играла музыка, по стенам скользили разноцветные огоньки, и мне действительно захотелось танцевать, чтобы прогнать тот странный озноб, который с детства преследует меня на вечерней улице. Особенно часто это бывает, когда нервы мои напряжены. Я мерзну при слабом дуновении ветра, пугаюсь при неожиданном шорохе где-нибудь за спиной.

Вероника умело обняла меня за талию и поплыла рядом, потащила меня в самую гущу танцующих пар. Глаза у неё соблазнительно блестели, с полных губ не сходила улыбка. Кажется, она была со мной счастлива. Потом в её глазах поселилось лукавство. Она поманила меня пальчиком, предлагая немного наклонить голову. Я нагнулся к её лицу, и она шепнула мне на ухо:

– Хочешь комплимент?

– Конечно, – шутя, согласился я.

– Ты мне нравишься.

– И ты... и ты мне тоже, – как бы по инерции, но каким-то не своим, чужим голосом ответил я.

Почему-то в этот странный вечер мне всё удавалось. Порой я не хотел, чтобы было именно так, но судьба располагала по-своему. Мне казалось, что я нахожусь в центре внимания, я произвожу на всех приятное впечатление.

Потом мы с Вероникой танцевали ещё и ещё. Беспричинно улыбались друг другу, говорили что-то невнятное, потому что надо было говорить, потому что молчать было нельзя. Я сыпал комплиментами, она отвечала тем же. В какой-то момент она всем своим тонким, горячим телом прижалась ко мне, и в это время меня с головой захлестнула волна неожиданной нежности к ней. Вероника показалась мне такой милой, такой искренней и бескорыстной, что я едва не поцеловал её в смуглую щеку. Она не ставила мне никаких условий, ничего не обещала, но и ничего не требовала от меня. Она просто была со мной счастлива, и этого было достаточно. Тогда я впервые подумал о том, что, может быть, Ирина была права, когда советовала мне найти приятную девчонку, мою ровесницу. Ведь хорошо же мне с Вероникой сейчас.

И тут я вспомнил, как однажды ожидал встречи с Ириной у Финляндского вокзала. Был тёплый летний день. Я стоял у холодной Невы, опираясь руками о серый гранит парапета, и смотрел на мутную зеленоватую воду. В душе тогда жили одновременно грусть, радость и страх. Мне казалось, что я провожаю свою молодость, зато обретаю любовь, я провожаю юность – обретаю зрелость.

Ирина не появлялась очень долго. Неожиданно погода испортилась, подул резкий западный ветер, а потом пошел дождь. Вода и небо стали одного цвета. И цветущие тюльпаны на клумбе перед памятником Ленину от ветра стали облетать, устилая красным кружевом алых лепестков гранитную набережную. Сделалось холодно, а я всё не уходил, стоял под проливным дождем и всматривался в редких прохожих, покидающих вокзал. И два седовласых, сторбленных старика, сидящих на скамье возле клумбы, тоже не уходили. Потом один из них костлявой рукой показал на россыпи лепестков у себя под ногами и произнес: «Кровавые следы истории». И эти его слова почему-то сразу запали мне в душу. «Как образно и точно», – подумалось мне.

В тот день я промок до нитки, терпеливо ожидая Ирину. Она пришла бледная, сильно прихрамывающая, с синеватыми губами, с красными заплаканными веками, вся какая-то дрожащая и обиженная. На мои вопросы не отвечала, только вздыхала тяжело и уверяла, что это скоро пройдет, что я тут ни при чем. Это она во всем виновата. Это только её касается.

Музыка оборвалась. Мы с Вероникой замерли на середине зала, постояли немного в странной нерешительности и направились к своему столику. Увидели там Ирину и почему-то смутились. Как будто сделали что-то не так. Ирина сидела в обнимку с милицией и громко смеялась каким-то не своим, пьяным, раздражающим голосом.

Когда я сел рядом с ней, она отпрянула от своего собеседника и, ткнув меня локтем в бок, сказала вполголоса: «Сваливаем отсюда». Вероника с испугом вскинула на меня глаза и стала ждать, что я отвечу. Она была уже заодно со мной. Она была моей сообщницей. Я это сразу почувствовал. Ирина между тем как-то загадочно усмехнулась, погрозила мне пальцем, поднесла к губам бокал сухого вина и ничего не сказала. На её лице было написано превосходство. Сейчас она подавляла меня всем своим видом. Я растерянно замолчал. А Вероника в это время так многозначительно, так участливо взглянула на меня, что я почувствовал – сейчас она что-то скажет. Но сказанное в такой момент обязательно будет какой-нибудь глупостью. Такое со мной уже случалось. Потому что сейчас в ней заговорит не разум, а неловкость и растерянность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.